

Хрупкий ландшафт. Жертвоприношение русской земли

Надя Каприольо

VERSUS

Надя Каприольо. Туринский университет (UNITO), Турин, Италия, nadia.caprioglio@unito.it.

В статье на примере двух произведений: «Прощание с Матёрой» Валентина Распутина (1976) и «Зона затопления» Романа Сенчина (2015) — анализируется проблема отчуждения человека от природной среды, вызванного коммодификацией природы, и реакция литературы — как при советском режиме, так и в современной России — на дискурс экологической критики, защиты природы, свободы человека и достоинства живых существ.

Два романа, написанные с разницей в сорок лет, объединяет общая тема: для строительства гидроэлектростанции меняется русло реки, обширные территории подвергаются затоплению, а жители сибирской деревни сталкиваются с необходимостью покинуть свое жилье. В свете этого сходства, в статье с позиции экокритики исследуется, как в советской и современной российской литературе конфликт между природой и культурой может быть представлен через мотив столкновения старого и нового мира, цивилизации и дикой природы, городской и природной среды.

В частности, два романа содержат четыре объединяющие их линии: мифография покинутого Эдема; изображение мира, в котором нельзя спастись от экологических катастроф; угроза угнетения гегемоном, который представлен как государство, так и могущественными корпорациями, жертвой которых становятся местные сообщества; «готизация» окружающей среды.

«Зона затопления» критикует систему, которая отказывается принимать во внимание инновации в области технологий, достигнутые более чем за полвека, и может рассматриваться как своего рода ремейк «Прощания с Матёрой».

В то же время роман Сенчина проливает свет на то, как экологические проблемы способствовали распаду Советского Союза, показывает, что старые политические модели демонстрируют свою несостоятельность в новую эпоху, и позволяет увидеть природу не как способ ухода от политики, но как потенциальную форму гражданской активности.

Ключевые слова: *русская литература; экокритика; вода; Валентин Распутин; Роман Сенчин.*

В ДАННОМ эссе предполагается проанализировать в русле экокритики два романа, написанных с разрывом почти в сорок лет двумя русскими писателями, уроженцами Сибири: «Прощание с Матёрой» Валентина Распутина (1976)¹ и «Зона затопления» Романа Сенчина (2015)². Рассмотренные с точки зрения диахронического анализа, эти романы представляют собой эмблематический случай для изучения того, как советская и постсоветская литература раскрывают тему строительства крупных искусственных водохранилищ и вызванные этими действиями экологические и социальные последствия.

Как отмечают Грэм Хагган и Хелен Тиффин³, осмысление строительства крупных плотин стало интересной и увлекательной темой в литературе. Вероятно, в глобальной перспективе этому поспособствовала Арундати Рой и ее сопротивление масштабным проектам гидроэлектростанций на реках Индии, описанное в эссе «Цена жизни» (*The Cost of Living*, 1999)⁴. В России эту проблематику уже в 70-е годы прошлого века наиболее активно разрабатывал представитель деревенской прозы писатель Валентин Распутин. В наши дни к этой теме вернулся современный автор — Роман Сенчин, принадлежащий к группе писателей, связанных с так называемым новым реализмом⁵. Оба этих произведения являются ярким примером литературы, внесшей значительный вклад в «глобальное повышение чувствительности»⁶ к экологическим проблемам.

«Постсоветский траур» и геополитика

Рассмотрим эти два романа с точки зрения оценки кризиса окружающей среды, вызванного волюнтаристским вмешательством человека в природу. Остановимся на двух важных предпосылках. Первая относится к недавнему возвращению в Россию литературы, отражающей исторические и гумани-

1. Распутин В. Прощание с Матёрой // Повести. М.: Молодая гвардия, 1978.

2. Сенчин Р. Зона затопления. М.: АСТ, 2015.

3. Huggan G., Tiffin H. Postcolonial Ecocriticism. Literature, Animals, Environment, L.: Routledge, 2010. P. 49.

4. Roy A. The Cost of Living. N.Y.: Modern Library, 1999.

5. Пустовая В. Поражены и преображены. О двух взглядах на реализм // Октябрь. № 5. 2005. URL: <https://magazines.gorky.media/october/2005/5> (дата обращения: 13.12.2022).

6. Huggan G., Tiffin H. Op. cit. P. 30.

тарные аспекты настоящего и размышляющей о будущем развитии страны. В русской литературе конца XX века доминирует постмодернистская поэтика. Произведения этого направления вобрали в себя негативные эмоции, вызванные существованием страны в условиях кризиса. В центре таких произведений — герой, преследуемый *навязчивой* идеей солипсизма и чувством одиночества, часто доведенными до абсурда и пронизанными черным юмором. Период «постсоветского траура»⁷ символически закончился в 2007 году культовым романом Михаила Елизарова «Библиотекарь», рисующим трагическую картину постсоветского поколения, потерянного в современном обществе. В течение последнего десятилетия русская литература, под влиянием социокультурных и психологических изменений, вступила в новый этап, на котором происходит преодоление постмодернистского дуализма, дистанцирующего внутренний мир героя от окружающей действительности. Можно добавить, что в этот период на русской литературной сцене появляются писатели из отдаленных регионов, таких как Кавказ, Урал, Сибирь. Они пишут о местных проблемах, «посредством слова отражая экологический кризис в своих романах»⁸.

Еще одним важным для нас аспектом является демографическая проблема, связанная с неравномерной плотностью населения в России. Области, расположенные к востоку от Уральских гор, занимают около трех четвертей территории страны, притом что жители Сибири и Дальнего Востока составляют лишь 21% от общего населения страны⁹. Наиболее важным последствием этого географического фактора является то, что, находясь к западу от Уральских гор, социально-экономический центр тяжести порождает пропасть между наиболее густонаселенным и экономически более развитым Западом и менее населенным, периферийным, маргинальным, но богатым природными ресурсами Востоком. В связи с этим понятия «постколониального района» или «периферии империи», используемое Хоми Баба в книге «The Location of Culture», создает идеальные рамки, в которые вписывается проблема постсоветской пе-

7. Etkind A. Warped Mourning. Redwood City, CA.: Stanford University Press, 2013. P. 66–67.

8. Iovino S. Ecologia letteraria. Una strategia di sopravvivenza. Milano: Edizioni Ambiente, 2015. P. 7.

9. Cp.: Understanding Contemporary Russia/M. L. Bressler (ed.). L.: Lynne Rienner Pub, 2008. P. 11.

риферии¹⁰. Более бедная экономическая и культурная периферия поставляет богатства и сырье по невысоким ценам в более богатую и более цивилизованную центральную часть страны, со всеми вытекающими отсюда последствиями для местной природной среды.

В то время, когда художественные произведения, поднимающие экологические проблемы (*Ecocriticism*), еще не были широко распространены по всему миру, в Советском Союзе некоторые ученые и писатели уже проявляли интерес к изучению «взаимосвязей между природой и культурой»¹¹. В 1979 году Дмитрий Лихачев говорит об «экологии культуры», которая, по его мнению, тесно переплетена с экологией природной среды, и тем самым подчеркивает значимость символического и этического подхода к реальности¹². Важность экологической чувствительности в Советском Союзе и постсоветской России заключается в ее политическом протестном потенциале. Экологическая тема вписывается в дискурс внутренней колонизации, рассматривая центральную власть и ее проекты, в том числе касающиеся варварского использования природных ресурсов, как чуждые национальным интересам русского народа¹³.

На этом основании можно считать, что два рассматриваемых нами романа объединяет общая тема: рядом с сибирской деревней идет строительство гидроэлектростанции, в результате которого деревня будет затоплена, а ее жители вынуждены покинуть родные места.

Река Ангара — самый крупный приток Енисея и единственная река, вытекающая из озера Байкал. Гидроэлектростанции — легендарная Братская ГЭС (Распутин), построенная в Иркутской области в 1954–1967 годы, и Богучанская ГЭС (Сенчин) в Красноярском крае, «гидроэлектростанция двух эпох», строительство которой началось в 1974 году и завершилось в 2014 году, после того как в начале 1990-х оно было оставлено и возобновилось только в 2006 году¹⁴. Роман Сен-

10. Ср.: Bhabha H. K. *The Location of Culture*. L.: Routledge, 1994. P. 170, 240.

11. Glotfelty C. *Literary Studies in an Age of Environmental Crisis*// *The Ecocriticism Reader: Landmarks in Literary Ecology*/C. Glotfelty, H. From (eds). Athens, GA: University of Georgia Press, 1996. XIX. (Пер. авт.).

12. Лихачев Д. *Экология культуры*// *Прошлое — будущему: статьи и очерки*. Л.: Наука, 1985. С. 173–179.

13. Ср.: Разувалова А. *Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х годов*. М.: НЛО, 2015. С. 286.

14. Сенчин Р. *Указ. соч.* С. 7.

чина — своего рода ремейк романа Распутина, которому он и посвящен.

Эти две крупные электростанции были спроектированы специально для энергоснабжения алюминиевого завода. Об их масштабе говорит то, что для строительства Богучанской гидроэлектростанции были затоплены около 1500 км² земли, из них — 300 км² пахотных земель и 1200 км² лесов¹⁵. Подобное вмешательство в природу не могло не повлечь за собой не только экологическую, но и социальную катастрофу¹⁶. Подчеркнув, что в зонах затопления экосистема подвержена тотальным изменениям, оба автора фокусируют внимание как на сакральности самой реки, так и на деревнях, рассматривая их как древние памятники, как хранителей микроэкономических ресурсов и культурных традиций, передаваемых из поколения в поколение.

И Распутина, и Сенчина не оставляют равнодушными жертвы гигантских строек, их сломанные судьбы, которые никого не интересуют¹⁷. Принудительное переселение людей стало главным предметом этического дискурса этих писателей. Зоны затопления затронули десятки населенных пунктов, жителей которых принудительно переселяют в соседние деревни или в новые города, наскоро построенные в неподходящих местах, вдали от реки, открытые ветрам, лишенные защиты гор и тайги¹⁸. Детальное описание процесса переселения начинается с описания разрушения колодцев с питьевой водой, производимого для того, чтобы иметь формальную возможность признать деревни непригодными для жизни¹⁹, и заканчивается сожжением частных домов и общественных зданий, что обрекает жителей на медленный переход к состоянию небытия²⁰. Разделение семей и удар по социальным отношениям, потеря истории и географии в тот момент, когда все казалось прочным, взаимосвязанным и вечным, описаны с глубокой болью и сочувствием²¹. Названные авторы прибегают к типичным стратегиям литературного повествования, сложившегося для

15. История развития Богучанской ГЭС. URL: <http://www.boges.ru/gidrostantsiya/istoriya-stroitelstva> (дата обращения: 13.12.2022).

16. Ср.: Vogel F. Fleuves frontières: La guerre de l'eau aura-t-elle lieu? P.: Editions de La Martinière, 2016. P. 144.

17. Распутин В. Указ. соч. С. 56; Сенчин Р. Указ. соч. С. 158.

18. Сенчин Р. Указ. соч. С. 191.

19. Там же. С. 234–235.

20. Распутин В. Указ. соч. С. 37, 79.

21. Там же. С. 183–185; Сенчин Р. Указ. соч. С. 193–194.

описания коллективной травмы²². В обоих романах главная героиня — пожилая женщина, которая, оказавшись свидетелем чужой трагедии, страдает от незащищенности, от чувства утраты, от языкового барьера, вызванного непониманием чужого говора²³.

Различия между двумя романами связаны с изменением политической ситуации в России. Распутин пишет в советское время, когда в СССР главной целью была индустриализация и природная среда воспринималась исключительно как источник материальных ресурсов. Сергей Залыгин в «Экологическом романе» (1993) отмечает, что в советской репрессивной логике природа составляла часть системы ГУЛАГа: природа подвергалась насилию, как и заключенные, которые рабски трудились на так называемых ударных стройках, возводя дамбы, прокладывая дороги и железнодорожные пути, вырубая леса²⁴. Распутин стал первым писателем, который описал тупик социалистического эксперимента над природой, надругательства над памятью и культурными традициями. Его отказ от лозунга «Человек — царь природы», оправдывавшего эксплуатацию окружающей среды и ее ресурсов, призывал задуматься над отношением человека к природе и увидеть ее в качестве субъекта, а не бездушного объекта²⁵.

Сенчин начинает писать с момента заката Советского Союза, выделяя между строк основные экологические проблемы, которые способствовали самому этому закату, и предсказывая, что в новом веке старые политические модели противостояния «левых» и «правых» утратят актуальность. Эта отправная точка определяет новую роль природы, которая предстает теперь не как тихая гавань, где вдали от всех можно найти убежище от политики, но как ресурс политической ангажированности. Героиня «Зоны затопления» — московская журналистка Ольга, которую редакция посылает для написания материала в «глубинку», — уверена, что в тех местах, куда она направляется, проживают люди, упрямо цепляющиеся за старое и тормозящие про-

22. Caruth C. *Unclaimed Experience. Trauma, Narrative and History*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1996; Concilio C. *Water and Dams*// *Ricognizioni*. 2016. № 5. P. 28.

23. Распутин В. Указ. соч. С. 51; Сенчин Р. Указ. соч. С. 196.

24. Залыгин С. Экологический роман// *Новый мир*. 1993. 12. С. 20; Яницкий О. Экологическое движение в России. Критический анализ. М., 1996. С. 25.

25. Sullivan H. I. *Nature and the "Dark Pastoral" in Goethe's Werther*// *Goethe Yearbook*. 2015. № 22. P. 125.

гресс. Но оказавшись на месте, в новых для себя обстоятельствах, в гуще незнакомых людей, она начинает понимать, что эти люди — не «оловянные солдатики», действующие по кем-то придуманным схемам. Все гораздо сложнее и интереснее. Московская журналистка не может оставаться безучастной наблюдательницей разворачивающихся на ее глазах событий. Она вникает в них, ей открываются истинные мотивы поступков героев ее журналистского расследования, и из начинающего журналиста она превращается в правозащитницу²⁶.

Идиллическое чествование реки и весеннего леса, с которого начинается повествование Распутина, у Сенчина превращается в «темную пастораль» (*dark pastoral*), где леса, реки, социальные группы, экономика приобретают новые формы²⁷. «Зона затопления» начинается с телефонного разговора между олигархами, параллелью которому выступает описание смерти и похорон пожилой жительницы сибирского села, предназначенного для наводнения, показывающее структурные отношения между традицией и модернизацией. Концепция «темной пасторали», разработанная Хизер Салливан, представляет собой гибридный литературный жанр, внутри которого традиционные дихотомии пасторального творчества (сельская природа и городская среда, миф и повседневная история) встречаются с брутальными образами эксплуатации природы, наводнениями, загрязнением и смертью.

Распутин пишет в эпоху «великих идей», грандиозных проектов, веры в прогресс, в то, что отторжение человека от земли останется его частной трагедией, которая искупится масштабными преобразованиями. Его герой Андрей воплощает в себе «новое время» и радуется мысли о том, что остров «на электричество пойдет, тоже пользу будет людям приносить»²⁸. Затрагивая тему значения природных ресурсов и человеческого фактора для достижения целей модернизации, Распутин не дает позитивной картины будущего, акцентируя внимание на тех, кого вынудили отступить на социальную периферию и лишили того, что определяло их культурную самобытность.

26. Сенчин Р. Указ. соч. С. 152, 160.

27. Sullivan H.I. Dirty Traffic and the Dark Pastoral in the Anthropocene: Narrating Refugees, Deforestation, Radiation, and Melting Ice // *Literatur für Leser*. 2014. № 37 (2). Р. 93.

28. Распутин В. Указ. соч. С. 98.

Сенчин пишет в наши дни, в эпоху, когда персональная частная выгода выдвигается на первый план. Строительство Богучанской электростанции после распада Советского Союза было исключено из государственных программ, финансирование строительства прекратилось на годы, станцию законсервировали, так что проект был возобновлен лишь благодаря частным инвесторам²⁹. Кроме того, Сенчин обличает использование в новом проекте технологий сорокалетней давности: в результате чего река отклонилась от своего русла, огромные территории были затоплены, многие люди оторваны насильно от родных мест. России нужна энергия для производства алюминия, это одна из возможностей реализовать прибыльные бизнес-проекты с зарубежными партнерами, стирая таким образом с карты огромные территории, независимо от ближайших и отдаленных последствий:

Сколько по Сибири понастроено в последние полвека городов, поселков и сколько брошено... Стоят теперь в болотах, в тундре облупившиеся многоэтажные дома, ржавеют трубы котельных, качели на детских площадках, обваливаются памятники, крошится асфальт тротуаров. Кромешная тишина, какой и в самой глухой тайге не услышишь <...>. А ведь когда-то думали, что селятся там навсегда, обживая дикое место, убеждали себя, что необходимо быть здесь, работать для Родины <...>. Но кончился деловой лес, иссякло золото, не нужен асбест, или кобальт, или уголь, просчитались с богатством залежной нефти, поменялись планы военных, и городок становился лишним. И прекращал существовать. Рано или поздно это произойдет и с Колпинском. <...> Уже идут обсуждения, куда деть все эти тысячи, занятые на строительстве электростанции³⁰.

Природная среда и гегемонистское угнетение

В своей интерпретации мы остановимся на четырех уровнях текста, характерных для экокритики.

Первый — это мифография преданного земного рая, тема, заимствованная из жанра пасторали, основанного

29. Сенчин Р. Указ. соч. С. 200.

30. Там же. С. 191–192.

на представлении о том, что природа отвечает на человеческие эмоции, в частности на ностальгию по утраченной гармонии³¹. Отсюда вытекают пространственные различия между городом (беспокойным, коррумпированным, безликим) и сельской местностью (безмятежной, плодородной хранительницей традиций)³². Город оказывается не центром культурной жизни и прогресса, а местом, где человек чувствует себя потерянным. Переселенцы воспринимают шумный город, наполненный запахом бензина, угля и железа как искусственный каркас, безличный улей с прямыми улицами, с одинаковыми домами, стоящими в одну линию³³. Сельские жители сталкиваются с неожиданным для них объемом бытовых отходов горожан, увеличивающими «мертвую территорию»³⁴. Наряду с пространственными различиями важную роль играют временные различия между прошлым (идеалистическим) и настоящим (лишенным жизненной силы). Озабоченность разрушением местной экосистемы из-за экономического и индустриального развития напрямую связана с этической стороной проблемы, с процессом моральной деградации человека. Человек традиционного общества противопоставляется новому типу людей, чья система ценностей определяется искоренением прошлого и отсутствием памяти. Все переехавшие в город люди чувствуют, что больше не могут положиться друг на друга³⁵. Перенесенные в город герои романа «Зона затопления» кажутся совершенно другими, они коренным образом изменились, и особенно ясно это можно заметить, когда они временно возвращаются в деревню. Используя различные литературные приемы, автор мотивирует эти психологические трансформации утратой субъективности. Но, так или иначе, в обоих романах преобладает романтический взгляд на моральное истощение личности, вызванное потерей связи с прошлым, с предками, с памятью, с природой.

Второй уровень обусловлен представленной картиной мира, в котором, судя по всему, нет спасения от экологической катастрофы³⁶. Излагая свой взгляд на происходящее, оба автора сосредоточивают внимание на деталях, кото-

31. Cp.: Gifford T. Pastoral. L.: Routledge, 1999. P. 2.

32. Cp.: Garrard G. Ecocriticism. L.: Routledge, 2011. P. 37.

33. Распутин В. Указ. соч. С. 181.

34. Сенчин Р. Указ. соч. С. 141.

35. Распутин В. Указ. соч. С. 72.

36. Cp.: Morton T. The Ecological Thought. Cambridge, MA: Harvard University Press 2010. P. 49.

рые превращаются в символы наступающего будущего: сожженные леса, заброшенные дома, умерщвленный домашний скот, брошенные и дичающие животные. Когда Алексей, герой романа «Зона затопления», возвращается в безлюдную деревню, он видит табун испуганных лошадей, мчащихся куда-то по берегу между рекой и лесом³⁷. Так же хотелось бы обратить внимание на два важных символа, взятых из нечеловеческого мира. Первый — «лиственъ», царственная лиственница Матёры, древнее дерево, дерево-богатырь, которое соответствует мифологическому «древу жизни». Рабочие, ответственные за выселение жителей с родного острова, так и не смогли победить его ни огнем, ни топором, ни бензопилой. Дерево не признает никакой другой силы, кроме своей собственной. Вынужденное покориться неизбежной судьбе, обреченное погибнуть вместе с островом и его жителями, оно останется непобедимым даже под водой. «Листвень» Матёры напоминает дерево из рассказа Льва Толстого «Три смерти» (1859), где оно умирает, но умирает естественно и органично, превращаясь в крест на могиле крестьянина Федора и открывая дорогу свету для других деревьев. Второй символ — это курица Ирины Викторовны, Чернушка, старейшая в курятнике, которая всегда следует за хозяйкой, как собака. После семидесяти лет жизни в одной и той же избе Ирина Викторовна, предвидя переезд, убивает своих кур. Название главы, где это происходит, — «Чернушка» — намекает на возникшее в эпоху перестройки понятие «чернуха» — «черную литературу», или «нуар», а также, что вполне возможно, отсылает к повести Антония Погорельского «Черная курица, или Подземные жители» (1829), в котором курица Чернушка была проводником в волшебный мир романтического идеала. У Сенчина курица Чернушка выживает и отправляется в город. Мы не знаем, что с ней будет. В заключительной главе романа, «Идет вода», становится окончательно ясно, что счастливого конца не будет. Даже новая деревня, построенная на берегу водохранилища в спешке, без надлежащего планирования, медленно начинает уходить под воду.

Третий уровень связан с описанием притеснения местных жителей со стороны государства и могущественных частных корпораций. Источником перемен неизменно являются внешние силы, связанные с городом; так что отчуждение человека от природы вписывается в дискурс колони-

37. Сенчин Р. Указ. соч. С. 228.

зации, в рамках которой центр подавляет окраины и в своих интересах использует их ресурсы. Государство, безразличное к собственному народу, радикально меняет его жизнь, лишая его изначального жизненного мира. Советский литературный критик Юрий Селезнев в свое время предложил различие между землей и территорией. Земля — это то, с чем человек неразрывно связан от рождения, «овеществленная» родина; территория — элемент государственно-бюрократического языка и практик³⁸. Власть насильственно отчуждает людей от их земли, превращая народ, потерявший связь с землей, в население, а землю — в территорию.

Четвертый аспект касается «готизации» окружающей среды, находящейся в опасности. Вынужденное переселение, перемена места затрагивает не только живых, но и мертвых³⁹. Как Распутин, так и Сенчин говорят о деревенских кладбищах и эксгумациях, подчеркивая, что могилы тысяч умерших оказались затопленными. Кладбище — это традиционно сакральное место, связанное с памятью, следом, оставленным человеком на земле: если могилы исчезают под водой, «вместе с ними навсегда исчезает память о человеке»⁴⁰.

То, что казалось далекой трагедией, вновь повторяется. Прочитав роман Распутина, один из героев Сенчина сожалеет о том, что ничего не изменилось:

[Автору] именно за эту книгу продолжают давать государственные премии, называть его нашей совестью, а с другой стороны — строить новую, но точно такую же электростанцию, водохранилище которой уничтожит еще несколько деревень, а их жителей превратит из хозяев домов в унылых квартирантов⁴¹.

Вслед за Юргеном Хабермасом с его идеей «колонизации жизненного мира» (*Kolonisierung der Lebenswelt*)⁴² мы можем сказать, что в обоих романах *система*, вмешиваясь в *жизненный мир*, ставит под угрозу его существование. По словам Ха-

38. Селезнев Ю. Златая цепь. М.: Современник, 1985. С. 247.

39. Concilio С. Op. cit. P. 30; Распутин В. Указ. соч. С. 25–30; Сенчин Р. Указ. соч. С. 229.

40. Астафьев В. Кража // Собр. соч.: В 15 т. Т. 2. Красноярск: ПИК «Офсет», 1991–1997. С. 281.

41. Сенчин Р. Указ. соч. С. 204.

42. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. F.a.M.: Suhrkamp Verlag, 1981. Bd. II.

бермаса⁴³, *система* строит себя из элементов власти (государственной, политической, бюрократической) и денежных средств (экономическая сфера). *Жизненный мир* (который Хабермас противопоставляет *системе*) характеризуется общими ценностями, разделяемых сообществом, органичностью и верностью традициям. Хабермас считает, что *система*, в частности государство с его аппаратом власти и экономическим порядком или безразлична к *жизненному миру*, или вступает в конфликт с ним. Романы «Прощание с Матёрой» и «Зона затопления» показывают, что власть и деньги (которые характеризуют *систему*) не только существуют сами по себе, но, как правило, разобщают людей, лишая их субъектности и способности к коллективному действию. Вопрос в том, сумеют ли их читатели извлечь урок из этих предупреждений.

Библиография

- Астафьев В. Кража // Собр. соч.: В 15 т. Красноярск: ПИК «Офсет», 1991–1997. Т. 2.
 Залыгин С. Экологический роман // Новый мир. 1993. № 12. С. 3–106.
 История развития Богучанской ГЭС // Богучанская ГЭС. URL: <http://boges.ru/gidrostantsiya/istoriya-stroitelstva>.
 Лихачев Д. Экология культуры // Прошлое — будущему: статьи и очерки. Л.: Наука, 1985. С. 173–179.
 Пустовая В. Поражены и преобразены. О двух взглядах на реализм // Октябрь. 2005. № 5. URL: <http://magazines.russ.ru/october/2005/5/porazhency-i-preobrazhency.html>.
 Разувалова А. Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х годов. М.: НЛО, 2015.
 Распутин В. Прощание с Матёрой // Повести. М.: Молодая гвардия, 1978.
 Селезнев Ю. Златая цепь. М.: Современник, 1985.
 Сенчин Р. Зона затопления. М.: АСТ, 2015.
 Яницкий О. Экологическое движение в России. Критический анализ. М.: Институт социологии РАН, 1996.
 Bhabha H.K. The Location of Culture. L.: Routledge, 1994.
 Caruth C. Unclaimed Experience. Trauma, Narrative and History. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1996.
 Concilio C. Water and Dams // Ricognizioni. 2016. № 5. P. 23–33.
 Etkind A. Warped Mourning. Redwood City, CA: Stanford University Press, 2013.
 Garrard G. Ecocriticism. L.: Routledge, 2011.
 Gifford T. Pastoral. L.: Routledge, 1999.
 Glotfelty C. Literary Studies in an Age of Environmental Crisis // The Ecocriticism Reader: Landmarks in Literary Ecology / C. Glotfelty, H. From (eds). Athens, GA: University of Georgia Press, 1996. P. xv–xxxvii.
 Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Fr.a.M.: Suhrkamp Verlag, 1981. Bd. II.
 Huggan G., Tiffin H. Postcolonial Ecocriticism. Literature, Animals, Enviroment. L.: Routledge, 2010.

43. Ibid. С. 214.

- Iovino S. *Ecologia letteraria. Una strategia di sopravvivenza*. Milano: Edizioni Ambiente, 2015.
- Morton T. *The Ecological Thought*. Cambridge, MA: Harvard University Press 2010.
- Roy A. *The Cost of Living*. N.Y.: Modern Library, 1999.
- Sullivan H.I. *Dirty Traffic and the Dark Pastoral in the Anthropocene: Narrating Refugees, Deforestation, Radiation, and Melting Ice* // *Literatur für Leser*. 2014. № 14 (2). P. 83–97.
- Sullivan H.I. *Nature and the “Dark Pastoral” in Goethe’s Werther* // *Goethe Yearbook*. 2015. № 22. P. 115–132.
- Understanding Contemporary Russia / M.L. Bressler (ed.). L.: Lynne Rienner Pub, 2008.
- Vogel F. *Fleuves frontières: La guerre de l’eau aura-t-elle lieu?* P.: Editions de La Martinière, 2016.

Fragile Landscape. Sacrifice of the Russian land

Nadia Caprioglio. Università degli Studi di Torino (UNITO), Turin, Italy, nadia.caprioglio@unito.it.

This essay analyses the individual’s alienation from the natural environment prompted by the commodification of nature. The analysis focuses on the novels “Proshchanie s Matyoroi” (*Farewell to Matyora*, 1976) by Valentin Rasputin and “Zona zatopleniya” (*Flood Zone*, 2015) by Roman Senchin and demonstrates how literature, both in the Soviet Union and in contemporary Russia, deals with the critical discourse on environmental issues, the protection of nature, human freedom, and the dignity of living beings.

The two novels, written forty years apart, share the same subject: to build a hydroelectric power plant, a river is diverted from its path, vast territories are flooded, and the inhabitants of a Siberian village are forced away from their homes. In the light of this affinity, this essay explores an eco-critical view as to how the conflict between nature and culture in Soviet and in present-day Russia can be represented through the motives of the clash between the old and the new world, civilization and wild nature, the urban and the natural environment. In particular, the two novels are linked by four cultural criteria: the mythography of a betrayed Eden, the representation of a world that offers no refuge from ecological disasters, the threat of a hegemonic oppression conducted either by the State or by powerful corporations at the expense of the local communities, and the ‘gothicization’ of the environment.

Zona zatopleniya can be read as a remake of *Proshchanie s Matyoroi* insofar as it denounces a system in which the technological innovations achieved in over half a century do not seem to be considered. At the same time, however, Senchin’s novel, starting from the end of the Soviet Union, highlights the environmental problems that have contributed to the end of the régime and suggests that old political models are no longer tenable in the new era. This starting point plays an important role for it defines nature no longer as a shelter from politics, but as a potential form of civil activity.

Keywords: *Russian literature; ecocriticism; water; Valentin Rasputin; Roman Senchin.*

DOI: 10.58186/2782-3660-2022-2-4-74-88

References

- Astafyev V. Krazha [Theft]. *Sobr. soch.: V 15 t.* [Collected Works: In 15 vols], Krasnoyarsk, PIK “Ofset”, 1991–1997, vol. 2.

- Bhabha H.K. *The Location of Culture*, London, Routledge, 1994.
- Caruth C. *Unclaimed Experience. Trauma, Narrative and History*, Baltimore, The Johns Hopkins University Press, 1996.
- Concilio C. Water and Dams. *Ricognizioni*, 2016, no. 5, pp. 23–33.
- Etkind A. *Warped Mourning*. Redwood City, CA, Stanford University Press, 2013.
- Garrard G. *Ecocriticism*, London, Routledge, 2011.
- Gifford T. *Pastoral*, London, Routledge, 1999.
- Glotfelty C. Literary Studies in an Age of Environmental Crisis. *The Ecocriticism Reader: Landmarks in Literary Ecology* (eds C. Glotfelty, H. From), Athens, GA, University of Georgia Press, 1996, pp. xv–xxxvii.
- Habermas J. *Theorie des kommunikativen Handelns*, Frankfurt am Main, Suhrkamp Verlag, 1981, Bd. II.
- Huggan G., Tiffin H. *Postcolonial Ecocriticism. Literature, Animals, Enviroment*, London, Routledge, 2010.
- Iovino S. *Ecologia letteraria. Una strategia di sopravvivenza*, Milano, Edizioni Ambiente, 2015.
- Istoriya razvitiya Boguchanskoi GES [Boguchany Dam's History of Development]. *Boguchanskaya GES* [Boguchany Dam]. URL: <http://boges.ru/gidrostantsiya/istoriya-stroitelstva>.
- Likhachev D. Ekologiya kul'tury [Ecology of Culture]. *Proshloe – budushchemu: stat'i i ocherki* [The Past to the Future: Articles and Essays], Leningrad, Nauka, 1985, pp. 173–179.
- Morton T. *The Ecological Thought*, Cambridge, MA, Harvard University Press 2010.
- Pustovaya V. Porazheny i preobrazheny. O dvukh vzglyadax na realizm [Shocked and Transformed. On Two Views of Realism]. *Oktyabr'* [October], 2005, no. 5. URL: <http://magazines.russ.ru/october/2005/5/porazhency-i-preobrazhency.html>.
- Rasputin V. Proshchanie s Matyoroi [Farewell to Matyora]. *Povesti* [Tales], Moscow, Molodaya gvardiya, 1978.
- Razuvalova A. Pisateli-“derevenshchiki”: literatura i konservativnaya ideologiya 1970-kh godov [Writers-“Villagers”: Literature and Conservative Ideology of the 1970s], Moscow, New Literary Observer, 2015.
- Roy A. *The Cost of Living*, New York, Modern Library, 1999.
- Seleznev Yu. *Zlataya tsep'* [Golden Chain], Moscow, Sovremennik, 1985.
- Senchin R. *Zona zatopleniya* [Flood Zone], Moscow, AST, 2015.
- Sullivan H.I. Dirty Traffic and the Dark Pastoral in the Anthropocene: Narrating Refugees, Deforestation, Radiation, and Melting Ice. *Literatur für Leser*, 2014, no. 14 (2), pp. 83–97.
- Sullivan H.I. Nature and the “Dark Pastoral” in Goethe's Werther. *Goethe Yearbook*, 2015, no. 22, pp. 115–132.
- Understanding Contemporary Russia* (ed. M.L. Bressler), London, Lynne Rienner Pub, 2008.
- Vogel F. *Fleuves frontières: La guerre de l'eau aura-t-elle lieu?* Paris, Editions de La Martinière, 2016.
- Yanitskii O. *Ekologicheskoe dvizhenie v Rossii. Kriticheskii analiz* [The Ecological Movement in Russia. Critical Analysis], Moscow, Institut sotsiologii RAN, 1996.
- Zalygin S. *Ekologicheskii roman* [Ecological Novel]. *Novyi mir* [New World], 1993, no. 12, pp. 3–106.